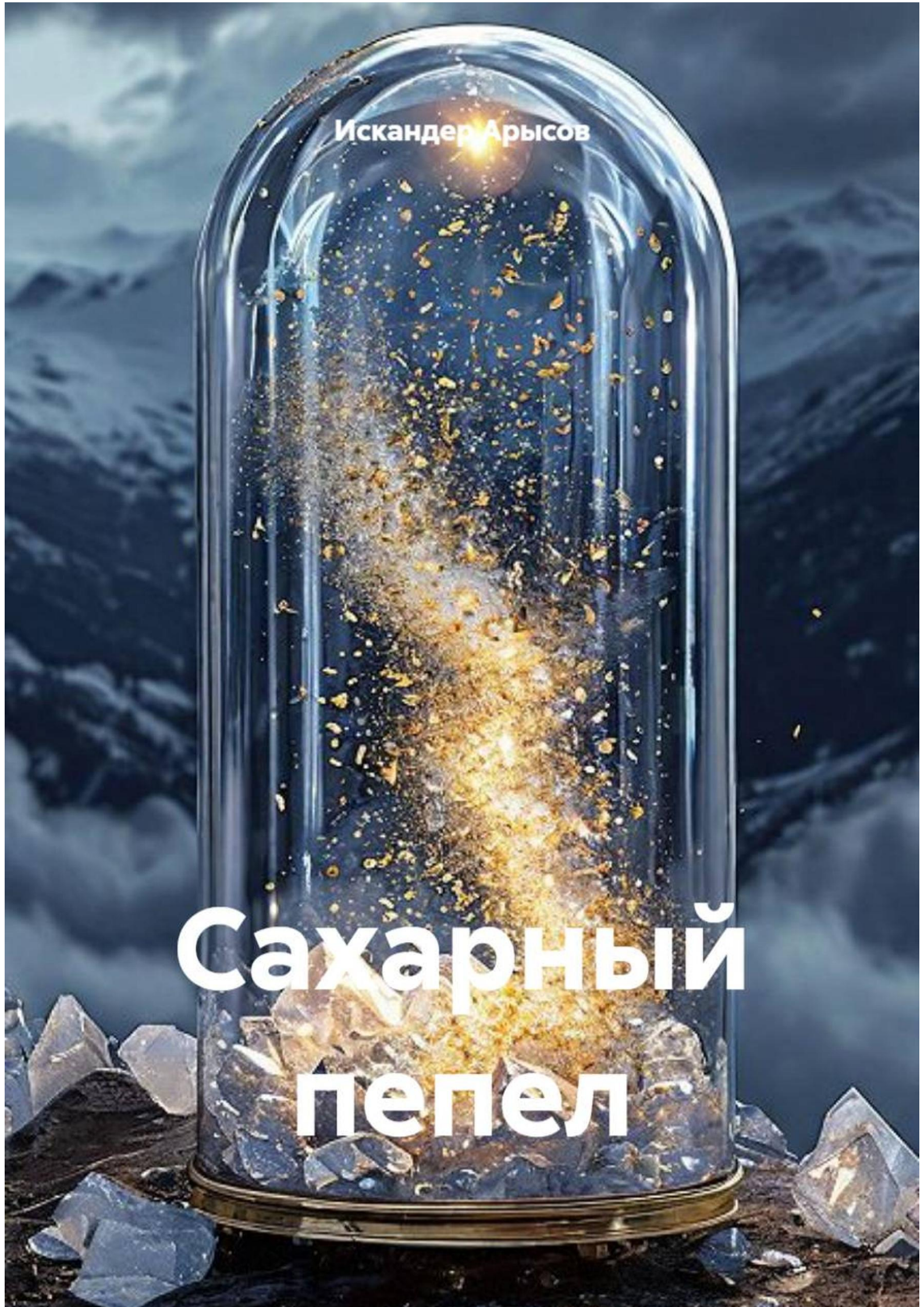

Искандер Арысов

Сахарный пепел

Искандер Арысов

Сахарный пепел

«Автор»

2026

Арысов И.

Сахарный пепел / И. Арысов — «Автор», 2026

В мире, задыхающемся от перенаселения, группа гениальных безумцев, называющих себя «богатенькие Буратино», берёт псевдонимы из сказки Толстого и начинает методичное истребление человечества. Их цель — сократить население до «золотого миллиарда», которым легче управлять. Под видом «этической необходимости» они творят показательные казни в капсулах «Сахарный пепел», перегоняя людей в кристаллы. Но в подземельях Москвы зреет сопротивление — группа «Буревестник», изучающая уроки Февральской и Октябрьской революций, объединяет миллионы «скрытой армии» в майках с портретом писателя Горького. Что есть настоящая цена воздуха — кровь, свобода или готовность дышать даже грязным небом? Роман-предупреждение, где наука и эстетика смерти сталкиваются с правдой жизни. Симбиоз хардкорной футурологии и магического реализма, где каждый вдох — битва, а золотой ключик оказывается ключом к аду.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Сахарный пепел

Пролог. Семя под снегом

Женева, Дворец Наций, конференц-зал «Монблан». 12 апреля 2023 года, 09:47

За окнами огромного панорамного окна хлопья снега падали на застывшее озеро Леман, и казалось, что весь мир сузился до этой белой, безмолвной пелены. Но внутри зала, где собрались триста делегатов из шестидесяти стран, воздух дрожал от напряжения. На трибуне стоял человек в строгом сером костюме, с лицом аскета и глазами, которые не моргали — профессор Мирон Всеволодович Громов, тот самый, который через несколько лет уйдёт в сибирскую тайгу, чтобы спасти мир иначе. Но сейчас он был всего лишь докладчиком на Климатическом саммите.

— Коллеги, — начал он, и его голос, усиленный микрофонами, звучал сухо и весомо, как треск льда, — мы стоим на пороге необратимых изменений. За последние сто лет население Земли выросло с полутора до восьми миллиардов. К концу века, если ничего не изменится, нас будет одиннадцать с половиной. Каждый новый миллиард — это не просто цифра. Это миллиард ртов, которые дышат, миллиард тел, которые потребляют, миллиард пар ног, которые топчут почву. Выбросы углекислого газа выросли вдвое за последние пятьдесят лет. Биоразнообразие сократилось более чем наполовину. Мы используем пестицидов в четыре раза больше, чем в семидесятых. Мы утроили потребление энергии. Мы — опухоль планеты. И опухоль эта растёт экспоненциально.

Он нажал кнопку, и на огромном экране за его спиной появились графики — красные, восходящие линии, похожие на температурные кривые лихорадки. Потом — фотографии: вырубленные леса, мёртвые коралловые рифы, поля, превратившиеся в пустыню. Зал замер.

— Мы должны признать: традиционные методы — сокращение выбросов, возобновляемая энергия, экологическое просвещение — не работают в нужном темпе. Мы не успеваем. Поэтому я предлагаю рассмотреть радикальное, шокирующее решение. Мы должны сократить численность населения. Не через насилие, не через принуждение. Через добровольное снижение рождаемости, через образование женщин, через доступ к контрацептивам. Нам нужно выйти на уровень четырёх миллиардов к концу века. Это единственный способ дать планете восстановиться.

В зале поднялся гул. Кто-то захлопал, кто-то засвистел, кто-то вскочил с места и закричал, что это «зловещий план коварного злодея». Громов поднял руку, призывая к тишине.

— Я знаю, как это звучит. Но я учёный, а не политик. Я оперирую фактами. И факты таковы: без снижения численности мы обречены. Это не вопрос идеологии, это вопрос математики.

Он закончил выступление и сошёл с трибуны. За кулисами его уже ждал человек, который не участвовал в конференции, но внимательно слушал из отдельной ложи — высокий, сухой старик с лицом, напоминающим корень женьшеня, и водянисто-голубыми глазами. Это был Всеволод Святозарович Градов, бывший олигарх, владелец нескольких нефтяных и фармацевтических корпораций. Он подошёл к Громову и протянул руку.

— Профессор, — сказал он с лёгкой улыбкой, которая не касалась глаз, — вы говорили смело. Но вы наивны. Вы предлагаете ждать сто лет и надеяться на добровольность. За это время планета рухнет. Я хочу предложить вам кое-что другое.

Громов нахмурился.

— Я не торгую своими исследованиями.

— Я и не предлагаю торговать, — ответил Градов. — Я предлагаю сотрудничество. Есть группа людей, которые разделяют вашу озабоченность, но считают, что действовать нужно

быстрее. Мы хотим создать систему, которая позволит управлять численностью без насилия, но эффективно. Приходите сегодня вечером в отель «Президент», номер 412. Мы поговорим.

Громов колебался, но любопытство взяло верх. Он кивнул.

Женева, отель «Президент», номер 412. 22:00

Громов вошёл в просторный номер, который был превращён в импровизированный зал заседаний. За круглым столом сидели пять человек. Кроме Градова, он узнал женщину-математика, которая выступала на той же конференции с докладом о демографических моделях — она представилась как Алиса, но он знал её настоящее имя: Инесса Валерьевна Григорьева. Рядом сидел артист с лицом вечного страдальца — Пьеро, в миру Арсений Мельников. Чуть дальше — молчаливый инженер с планшетом, который писал текст на экране, оказалось, что он глухонемой. Это был Артемон. И женщина с платиновыми волосами, искусствовед из Эрмитажа, которую они звали Мальвина.

Градов жестом пригласил Громова сесть.

— Мы представляем собой неформальный клуб, — начал он. — Нас объединяет одна идея: мы должны спасти планету. Не через полумеры, а через решительные действия. Вы, профессор, предоставили научную базу. Мы предоставим ресурсы, технологии и... свободу от бюрократии.

Громов насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не можем ждать сто лет, — вмешалась Алиса. — Даже ваши четыре миллиарда — это слишком много для устойчивого развития. Оптимальная численность, с точки зрения ресурсов и управляемости, — один миллиард. Золотой миллиард. Люди, которые будут жить в гармонии с природой, без лишних ртов, без избыточного потребления.

Громов побледнел.

— Вы говорите о геноциде.

— Мы говорим о хирургии, — мягко возразила Мальвина. — Рак удаляют нежно, но решительно. Мы хотим сделать процесс эстетичным, безболезненным, даже красивым. Люди не должны страдать. Они должны перейти в новое состояние — стать частью вечного цикла.

Громов встал.

— Я не буду участвовать в этом. Я учёный, а не убийца.

Градов тоже поднялся, но его голос был спокоен.

— Вы уже участвуете, профессор. Ваши исследования — это наш фундамент. Мы будем действовать с вами или без вас. Но если вы останетесь с нами, вы сможете контролировать процесс, гарантировать, что он будет гуманным. Если вы уйдёте — мы сделаем всё сами, и тогда никто не поручится за последствия.

Громов смотрел на них долгую минуту. Он видел фанатизм в их глазах, но видел и страх — страх перед катастрофой, которую человечество несёт само себе. Он глубоко вздохнул.

— Я согласен. Но я буду работать над альтернативными методами. Если я найду способ обойтись без сокращения населения, я его использую.

Градов улыбнулся.

— Договорились. Но пока мы будем готовить почву. Мы начнём с создания системы «Чистого воздуха» — это будет наша первая фаза. А вы, профессор, поедете в Сибирь, изучать торфяники. Говорят, там можно найти следы древних демографических катастроф. Возможно, они подскажут нам, как сделать процесс естественным.

Громов кивнул, чувствуя, как в его душе замерзает что-то важное. Он знал, что связался с чудовищами, но он тоже хотел спасти мир. И это желание оказалось сильнее страха.

Швейцария, поместье Градова, 15 апреля 2023 года, 23:00

Градов стоял у камина в своём горном шале. Рядом с ним стояли все те же пятеро. На столе лежала карта мира, где красными точками были отмечены будущие станции очистки воздуха.

— Мы начнём с малого, — говорил Градов. — Сначала — «Чистый Эфир», система распределения обогащённого воздуха. Люди привыкнут к нему, полюбят его. Затем, когда мы захватим власть, мы сможем менять состав воздуха, делая его... летальным для лишних. Никаких пуль, никаких газовых камер. Только тихая, красивая смерть в окружении орхидей.

Мальвина улыбнулась.

— Я уже разрабатываю дизайн капсул для Перехода. Они будут прозрачными, с подсветкой. Тела будут покрываться кристаллической коркой — мы назовём это «Сахарный пепел». Это будет искусство.

— Хватит искусств, — прервал её Пьеро. — Нужно думать, как внедрить наших людей в правительства, как перехватить управление медиа.

— Уже работаю, — ответила Алиса. — Мы внедрим нейро-интерфейсы, которые позволят нам контролировать эмоции толпы. Это будет незаметно, мягко.

Градов подошёл к окну. За стеклом бушевала метель, заматавая следы, как их собственное прошлое.

— Мы должны взять псевдонимы, — сказал он. — Настоящие имена не должны всплывать. Я буду Карабасом — властным, жестоким, но справедливым. Алиса — Лиса, хитроумная, расчётливая. Пьеро — печальный, но вдохновляющий. Мальвина — художник. Артемон — инженер. Мы станем персонажами сказки, но сделаем её реальностью. Золотой ключик — это не волшебство, это технология, которая откроет нам дверь к новой эре.

Он взял со стола модель золотого ключа, отлитую из бронзы, и сжал её в руке.

— Мы спасём планету, даже если для этого придётся пожертвовать восемью миллиардами. Это наша миссия. Мы не убийцы, мы секаторы. Помните об этом.

Они подняли бокалы с шампанским, и в их глазах горел тот холодный огонь, который способен сжечь мир ради его же спасения.

Сибирь, болота Ханты-Мансийского округа, июль 2024 года

Громов стоял по колено в торфяной жиже и вынимал из глубины образец грунта. Рядом с ним работали лаборанты из Новосибирского университета. Он уже год жил в тайге, изучая древние угли. Находка, которую он только что извлёк, была необычной — чёрный кусок, пропитанный смолой, с вкраплениями какого-то сияющего вещества.

— Профессор! — крикнул его ассистент. — Мы нашли частотную аномалию. Этот уголёк содержит микроорганизмы, которые не описаны в литературе. Они способны превращать углерод в кристаллы.

Громов посмотрел на чёрный камень, и в его душе теплилась надежда. Если эти бактерии существуют, возможно, они смогут связать избыточный углерод без сокращения населения. Он осторожно упаковал образец и отправил его в лабораторию.

Но он не знал, что Карабас уже получил отчёт об этой находке. Через месяц в Москву прилетит курьер с требованием: «Профессор, мы забираем все образцы. Ваши исследования теперь под грифом «Секретно». Вы будете работать на нас». Громов подчинится, потому что у него не будет выбора. Но втайне он продолжит свои поиски — и через три года он создаст ту самую ампулу с бактериями, которую позже передаст Буревестнику.

А пока, стоя на болоте, он смотрел на бескрайнюю тайгу и думал: «Есть ли у человечества шанс, или мы обречены, истреблять друг друга ради выживания?» И тайга молчала, давая ему лишь свой ответ — ветер, дождь и запах гниющей листвы.

Москва, Кремль, 1 сентября 2025 года

В оранжерее, ещё не оборудованной, но уже огороженной высоким забором, Карабас стоял с картой и говорил по защищённой линии:

— Мы готовы. Станции построены. Маски распределены. Пьеро готовит первый эфирный блок. Через месяц мы начнём «санацию» в тестовых регионах. Люди уже привыкли к «Чистому Эфиру» — они не знают, что он содержит компоненты, которые ослабляют их иммунитет к «Переходной смеси». Мы ударим, когда они не будут готовы.

Голос Алисы из динамика ответил:

— Есть риск утечки. Я внедряю протоколы, чтобы любые изменения в системе требовали моего подтверждения.

— Хорошо, — сказал Карабас. — Артемон, ты готов?

Глухонемой инженер напечатал на планшете: «Готов. Нанороботы установлены. Система дозирования работает».

Карабас кивнул и выключил связь. Он посмотрел на первый посаженный синий орхидей — мутант, который должен был символизировать чистоту и красоту новой эры.

— Через год, — прошептал он, — мир станет другим. Чистым. И мы будем его богами.

Москва, Библиотека имени Ленина, 10 мая 2026 года

В подвальном хранилище, где ещё не ступала нога санитаров, молодой человек с живыми глазами листал старые книги по истории революций. Он носил на груди майку с портретом Горького, потому что в ней ему казалось теплее. Его звали Остап Ветров, но друзья уже начинали звать его Буревестником. Он только что нашёл дневник участника Февральской революции и читал строчки:

«Толпа не поднимается от голода. Она поднимается от отвращения к власти, когда власть становится слишком красивой».

Он поднял глаза на стеллажи, за которыми слышалось шевеление других людей — таких же, как он, ищущих правду в пыльных архивах. Он знал, что надвигается что-то страшное, что «Чистый Эфир» — это не дар, а клетка. И он решил, что не даст запереть себя.

За окном Библиотеки падал снег — последний снег старого мира. А где-то в Кремле, в стеклянном дворце, Карабас уже отдавал приказ начинать «санацию» Первого Московского района.

Пролог заканчивался, и начиналась история, в которой воздух стал оружием, а ключики — символами порабощения. Но уже пробивался первый слабый луч — тот, что принесёт Буревестник.

Ибо сказано в древних книгах: «Кто дышит ложным воздухом, тот не познает свободы. Но кто ищет правду в каждом вдохе, тот обретёт крылья».

Глава первая. Сахарный пепел

Москва, Кремль, Аптекарский огород, 12 августа 2026 года, 06:47

Утро вступало в столицу не спеша, с опаской, как зверь, наученный осторожности. Оно пробивалось сквозь тройное бронированное стекло оранжереи, преломляясь в хрустальных подвесках люстр, в гранях ваз из горного хрусталя, в зрачках человека, стоявшего у панорамного окна. Этот человек не замечал рассвета. Он видел не свет, а его спектральный состав, не золото спиц, а тепловое излучение камня. Он был стар, но не дряхл — выточенный из реликтового дуба, с кожей, напоминающей пергамент, на которой каллиграфическим почерком времени были начертаны морщины. Его звали Всеволод Святозарович Градов. Для человечества, которое ещё не знало своего приговора, он был Верховным Хранителем Экологического Баланса. Для тех, кто сидел рядом с ним в этом стеклянном гробу, — просто Карабас.

Карабас не любил утро. Утро было временем слабых, тех, кто просыпается с надеждой. Он просыпался с цифрами. Три голографические сферы парили над столом из чёрного дуба, вращаясь в такт его дыханию — дыханию, которое стало самым дорогим ресурсом на планете. В первой сфере пульсировало алое число: **8 312 456 789**. Каждую секунду оно росло на несколько единиц. Во второй — график, похожий на восходящую кривую лихорадки, пред-

сказывал цифру **11,4 миллиарда** к концу века. Третья сфера была пустой. Она ждала. Она должна была показать **1 000 000 000**. Идеал. Порог, за которым человечество переставало быть биомассой и становилось симфонией.

— Посмотри на эти приросты, Алиса, — произнес Карабас, не оборачиваясь. Голос его звучал сухо, как треск углей в камине, но в этом треске слышалась сталь. — Ежесекундно. Как деление раковых клеток. И они называют это жизнью.

Из тени оранжереи, где среди листьев-мутантов с синими прожилками прятались датчики климата, выступила женщина. Она была одета в строгий костюм цвета перемолотого пепла, без единого украшения, даже без заколки в седых, гладко зачёсанных волосах. Её лицо — аскетичное, с выступающими скулами и тонкими, сжатыми в нитку губами — не выражало ничего, кроме калькулирующего внимания. Лиса Алиса. В прошлом — математик-демограф, лауреат премий, которые теперь отменили как «буржуазный пережиток». Она подошла к столу и коснулась кончиками пальцев первой сферы. Число на мгновение остановилось, затем дернулось вновь.

— Восемь миллиардов триста двенадцать тысяч четыреста пятьдесят шесть, — прошептала она с отвращением. — Меньше, чем вчера. Но только потому, что мы провели плановую санацию в трёх агломерациях. Завтра будет снова рост, если не ускорить темп.

Она перевела взгляд на вторую сферу.

— Прогнозные модели AI уверены: при текущей рождаемости, даже с учётом наших «корректировок», к 2100 году нас будет 11,4 миллиарда. Это означает крах углеродного цикла за шестьдесят лет до расчётного срока. Азотный кризис начнётся раньше. Фосфор кончится через двадцать лет. Воздух — через двенадцать, если считать по качеству.

Карабас медленно повернулся. Его глаза — водянисто-голубые, с красными прожилками сосудов, — уставились на неё с той ледяной ясностью, которая была страшнее любого крика.

— Значит, мы не ускоряем темп, Алиса. Мы меняем методику. Та глупая возня с «добровольной стерилизацией» и «образовательными программами для женщин» — это уловки для слабаков. Мы не можем ждать двести лет, как предлагали те учёные из швейцарских подвалов. Мы должны сделать это сейчас. Сейчас, когда ресурсы позволяют нам нанести *хирургический удар*.

Он щёлкнул пальцами. Сферы исчезли, сменившись картами Земли. Сначала — идеальный шар, голубой и зелёный, каким его видели космонавты шестьдесят лет назад. Затем изображение начало деформироваться: леса становились серыми пятнами, океаны — мутно-жёлтыми, атмосфера — буро-оранжевой, как дым от лесных пожаров. Наложились графики: выбросы CO₂ за пятьдесят лет выросли в два раза, биоразнообразие упало на пятьдесят три процента, потребление энергии — в три с половиной раза, добыча ископаемых и пестицидов — в четыре с лишним.

— Мы — раковая опухоль, — сказал Карабас, и голос его стал громче, пророческим. — Опухоль, которую *богатенькие Буратишки*, как нас называли в своём тупом интернет-фольклоре, должны удалить. Но удалить не скальпелем, а *искусством*. Мы не палачи. Мы — садовники. Мы — секаторы, которые обрезают гнилые ветви, чтобы ствол зацвёл.

— Эстетика, — вставила Алиса, подходя к столу и беря в руки пульт управления климатом оранжереи. Она увеличила подачу кислорода на два процента, чтобы мозги работали чётче. — В этом ключевое отличие нашего плана от всех предыдущих попыток регулирования численности. Мао, Пол Пот, даже Гитлер — все они действовали грубо, примитивно. Они убивали, чтобы устрашать. Мы убиваем, чтобы *возвысить*. Жертва должна быть прекрасной.

Она вывела на экран изображение капсулы, в которой час назад была проведена «санация» первого «носителя избыточной биомассы». Тело лежало в позе покоя, покрытое белой кристаллической коркой, словно статуя из карамели.

— Сегодня мы покажем «Сахарный пепел» в прямом эфире. Семья Птицыных. Профессор и музыкант. Они прятали детей-нулей. Идеальный пример: образованные, но морально дефективные. Их переход будет эталонным.

В этот момент мягко, почти неслышно, открылась дверь оранжереи. Вошёл третий член Совета — тот, кого в узком кругу звали Пьеро. Настоящее его имя было Арсений Платонович Мельников, но от него осталась лишь маска — лицо вечного страдальца, с тонкими бровями и влажными глазами, которые умели выражать сострадание и холод одновременно. Он был нейро-интерфейсером, специально обученным модулировать эмоциональные состояния толпы через инфразвук и микроволны. На груди у него, поверх белоснежной рубашки, висел золотой ключик — такой же, как у Карабаса и Алисы. У каждого из них был свой. Символ власти, которую они черпали из старой сказки, переписанной на новый лад.

— Всеволод Святозарович, — Пьеро говорил певуче, с актёрскими модуляциями, — площадь заполнена на семьдесят процентов. Ожидаем миллион двести тысяч зрителей офлайн и триста миллионов онлайн. Сеть транслирует с задержкой в двенадцать секунд — так безопаснее для нашей модерации. Толпа настроена позитивно: утро, выдача пайков, «Чистый Эфир» раздали на входе. Настроение — ожидание чуда.

— Чуда? — переспросил Карабас с лёгкой усмешкой. — Что ж, они его увидят. Чудо превращения биомассы в красоту. Иди, Арсений, включи свой голос. Мы должны слышать тебя на каждом углу, в каждой норе. Пусть они знают: их правительство заботится о них, заботясь о планете.

Пьеро поклонился, почти театрально, и вышел. Через минуту его лицо и голос заполнили все экраны города. Карабас остался с Алисой. Он подошёл к окну, откуда открывался вид на Красную площадь, запруженную серыми комбинезонами. С высоты они казались муравьями, но муравьями, которых можно пересчитать, взвесить и разложить по категориям.

— Ты помнишь, что сказали те сибирские исследователи? — спросил он, не оборачиваясь. — Те, что нашли угли в торфяниках. Частота пожаров упала до нуля восемьсот лет назад. Тогда вымерла половина населения Евразии. Чёрная смерть. А планета выдохнула. Леса поднялись. Углерод связался. Климат стабилизировался. Это был естественный секатор.

Алиса кивнула, хотя он не мог видеть её жеста.

— Да. Но тогда это была случайность. Мы сделаем это *осознанно*. Мы повторим Чёрную смерть, но не как болезнь, а как гигиену. Мы не ждём мутаций вируса — мы сами создадим экологический фактор. Воздух — это наше оружие, Всеволод. Не газ, не пули. Мы заставим их задыхаться от избытка чистоты.

— Тихо, — остановил её Карабас. — Не нужно произносить это вслух. Иди. Садись рядом со мной на балкон. Мы будем наблюдать за спектаклем.

Они вышли на небольшой балкон, пристроенный к оранжерее. Отсюда была видна не только площадь, но и Соборная площадь Кремля, где уже были установлены две прозрачные капсулы. Они сверкали на солнце, как гигантские мыльные пузыри. Вокруг них сустились люди в белых скафандрах — санитары Перехода, как они себя называли.

Красная площадь, 08:00

Толпа гудела. Это был не ропот недовольства, а скорее жужжание огромного улья, который ждёт, когда матка даст сигнал. Люди стояли плотно, плечо к плечу, но не соприкасались — дистанция в двадцать сантиметров строго контролировалась струями холодного воздуха из вентиляционных люков в брусчатке. Каждый квадратный метр площади был зоной комфорта, но комфорта тюремного. На головах у большинства были лёгкие мембранные маски — не для защиты от ядов, а для «оптимизации дыхания»: они забирали из выдыхаемого воздуха углекислый газ и возвращали обратно небольшой процент кислорода, экономя ресурс. Ресурс воздуха был так же нормирован, как еда и вода.

На экранах, вмонтированных в стены ГУМа и Исторического музея, засияло лицо Пьеро. Он смотрел на толпу сверху, с купола оранжереи, но камера была настроена так, что казалось, будто он стоит прямо перед каждым человеком.

— Доброе утро, мои дорогие, мои чистые! — голос его лился медовым потоком, модулируя частоты, вызывая у людей лёгкую эйфорию. Некоторые начинали улыбаться сами не зная чему. — Сегодня мы собрались не для того, чтобы скорбеть. Сегодня мы собрались для того, чтобы праздновать. Праздновать Возвращение к Истокам. Праздновать Золотой Миллиард, который мы все вместе построим. Вы, каждый из вас, — кирпичик этого прекрасного здания.

В толпе стояла молодая женщина с ребенком на руках. Звали её Милана, ей было двадцать три года. Она была лаборанткой в «Центре чистой воды», но сейчас, после ночной смены, пришла сюда с трёхлетним сыном Илларионом — потому что так было приказано: явка обязательна для всех категорий «безопасных граждан». Милана смотрела на экран с надеждой и страхом. Она верила, что «Буратинки» — так их называли в кулуарных шепотках, но она боялась даже мысленно произносить это слово — хотят сделать мир лучше. Она видела, как исчезли нищие, как перестали воровать, как очистился воздух в центре. Но вчера её соседка, старуха Фёкла, не вернулась из «профилактического санатория». И соседка не плакала. Соседка застыла с улыбкой, когда санитар объяснил, что «у неё был высокий углеродный след».

— Мама, почему они в стекляшках? — спросил Илларион, показывая пальцем на капсулы, которые были видны на экране. — Там дядя и тётя?

— Это... это представление, сынок, — ответила Милана, прижимая его к себе. — Представление о том, как важно беречь воздух.

Пьеро продолжал:

— Сегодня нам выпала честь наблюдать Переход наших брата и сестры — Милована Захаровича и Заряны Ростиславовны. Они совершили ошибку. Они нарушили главный закон — закон Чистоты. Они прятали под своим кровом тех, кому ещё не место в нашем мире. Но мы не сердимся. Мы их прощаем. И мы даём им шанс стать частью Вечного Цикла. Посмотрите на них! Они уже готовы.

Камера навелась на капсулы. Внутри первой стоял мужчина лет сорока, с распухшим лицом, в изорванной одежде, но с глазами, которые сохранили удивительное спокойствие. Это был Милован Захарович Птицын. Биолог. Его жизнь была посвящена изучению симбиоза грибов и деревьев. За месяц до ареста он опубликовал в подпольной сети статью о том, что даже «лишние» люди могут быть полезны, если использовать их как биореакторы для производства биотоплива. Но он не предлагал убивать. Он предлагал использовать отходы. Этого оказалось достаточно, чтобы его внесли в список «диссидентов».

В соседней капсуле стояла Заряна Ростиславовна, его жена. Она была преподавателем музыки в консерватории, пока консерваторию не закрыли, объявив музыку «излишним нейростимулятором». Она была худой, бледной, но держала спину прямой, как струну. На ней было то же серое платье, что и у всех «санкционированных» женщин, но она умудрилась приколоть к воротнику маленькую брошь — серебряную скрипку. Этот жест был её последним актом неповиновения.

К капсулам подошли два санитар. Они были в герметичных скафандрах с зеркальными шлемами, напоминающими инопланетных насекомых. Один из них поднёс к микрофону планшет и зачитал:

— Милован Захарович, ваша углеродная биомасса определена как избыточная. Вам предоставлено право Перехода с сохранением эстетической формы. Благодарите Совет за эту честь. Вы не умрёте в муках — вы превратитесь в кристалл, который украсит Сад Вечности.

Птицын посмотрел на санитар, затем на жену. Он не кричал. В его голове, несмотря на побои, на бессонницу, на отчаяние, работала мысль: «Грибы. Если бы я мог выпустить споры.

Если бы я мог заразить их систему...» Но он ничего не мог сделать. Его руки были прикованы к стойке, а в капсулу уже начал поступать газ. Не ядовитый, наоборот — газ с концентрацией кислорода 98 процентов, с добавлением озона и перхлоратов. Это была смесь, которая при вдыхании вызывала ожог лёгких не от недостатка, а от переизбытка. Легкие начинали вырабатывать защитную слизь, но слизь забивала альвеолы, и человек задыхался в собственном секрете, который застыл на коже белоснежной пеной.

— Не смотри! — крикнула Заряна, но это было бессмысленно. Она сама не могла отвернуться. Газ пошёл и к ней.

Процесс длился около получаса. Тела Птицыных покрылись коростой, затем — кристаллами. Они перестали дышать, перестали двигаться, превратились в две белые статуи, застывшие в позах агонии, которая казалась экстазом. Их губы застыли в улыбках, потому что судорога мышц привела к сокращению лицевых нервов.

Карабас с балкона смотрел в бинокль. Алиса рядом записывала время.

— Семьдесят две минуты, — сказала она. — В пределах нормы. Их тела потеряли 23% массы, которые ушли на формирование карбонатов. Красиво. Особенно у женщины — она сохранила грацию.

Карабас опустил бинокль.

— Теперь — усилить сигнал. Пусть Пьеро прокомментирует это как «Освобождение от тягот плоти».

На площади Пьеро воздел руки к небу:

— Видите! Видите, друзья! Они не страдают! Они УЛЫБАЮТСЯ! Это — великое таинство. Мы все когда-нибудь пройдем через это, но только достойные — сейчас. Мы строим мир, где один миллиард человек будет жить вечно. Золотой миллиард! И вы, каждый из вас, если будете любить Воздух, если будете чисты душой, вы войдете в этот круг. Сегодня мы убрали двух. Завтра уберем тысячу. Послезавтра — сто тысяч. И к концу десятилетия на Земле останется ровно один миллиард — тех, кто сможет дышать полной грудью, не отравляя планету.

Толпа молчала. Кто-то плакал, кто-то аплодировал. Большинство стояло с отсутствующими лицами — на них подействовал инфразвук, вызывающий состояние транса. Милана прижала Иллариона ещё крепче и почувствовала, что её ребёнок тоже затих — не от страха, а от парализующего воздействия частот, которые не слышало ухо, но чувствовал мозг.

— Мама, — прошептал мальчик. — Они как конфетки.

— Да, сынок, — ответила Милана, чувствуя, как по спине пробегает холод. — Конфетки.

Кремль, Аптекарский огород, 09:30

Карабас вернулся за стол. Перед ним снова парили сферы. Теперь число в первой сфере уменьшилось на две единицы. Смехотворно мало. Он нахмурился.

— Мы должны ускорить темпы. Эти показательные казни — это лишь пропаганда. Но настоящая работа идёт не здесь. Где отчёт по «Воздушным эшелонам»?

Лиса Алиса коснулась планшета, и на столе появилась объёмная карта Евразии. Красными линиями были обозначены магистрали трубопроводов, синими — точки очистных станций. Система, которую они создали за пять лет, охватывала все крупные города. Через эти трубы подавался «Чистый Эфир» — воздух, освобождённый от всех примесей, скормливаемый населению дозированно. Но главное — через те же трубы можно было подать «Переходную смесь». Достаточно перекрыть клапаны, изменить состав, и целые районы превратятся в сахарные статуи за пару часов. Тихо, чисто, без паники.

— В десяти мегаполисах мы уже заменили стандартные смеси на тестовые, — доложила Алиса. — «Случайные утечки» вызвали локальные очаги, но мы списали их на выбросы промышленности. За месяц мы убрали около ста пятидесяти тысяч человек. Это меньше одного процента от годового плана. План — триста миллионов в первый год.

— Маловато, — процедил Карабас. — Нам нужно пятьсот миллионов. Мы не можем растягивать удовольствие на годы. Чем дольше мы ждём, тем больше ресурсов уйдёт на содержание лишнего балласта. Они едят, пьют, дышат. Каждый день — это миллиарды тонн углекислого газа. Я хочу, чтобы завтра были запущены «аварийные протоколы» в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске. Мы объявим о «техногенной катастрофе» и проведём «эвакуацию», которая станет Переходом.

Алиса кивнула, записывая.

— Есть ещё проблема, Всеволод Святозарович. Сопротивление. Мы фиксируем аномальные активности в донбасских шахтах, в сибирских лесах, даже в московских подземельях. Группы людей, которые не носят маски, не пьют «Эфир», и... они изучают историю.

— Историю? — Карабас усмехнулся. — Что они могут найти в истории? Чёрную смерть? Монгольское нашествие? Мы используем те же методы, что и природа, только с умом.

— Они изучают Февраль и Октябрь, — тихо сказала Алиса, и в её голосе впервые проскользнула неуверенность. — Они читают дневники, мемуары. Они поняли, что революции случаются не от голода, а от потери веры в элиту. Мы дали им идеологию Чистоты, но они противопоставляют нам идеологию Справедливости.

Карабас повернулся к ней. Его глаза сузились.

— И как они себя называют?

— У них нет названия. Но они носят майки с портретами Горького. Они называют себя «Буревестниками». Они нарочито пацифистские, говорят о любви, но...

— Но? — перебил Карабас.

— Они собирают подпольную армию. Миллионы, по нашим данным. Они не воюют, они *ожидают*. Имитируют лояльность, участвуют в наших собраниях, но в их сетях циркулируют инструкции по выживанию при «чистом воздухе». Они нашли слабое место в наших системах подачи.

Карабас задумался. Он подошёл к аквариуму с орхидеями и провёл пальцем по лепестку синего цветка.

— Значит, они хотят играть в революцию, как в старые книги. Что ж, пусть играют. У революций есть одна черта — они пожирают своих детей. Как только мы сократим население до одного миллиарда, управлять станет легче. А до тех пор — мы дадим им видимость борьбы. Пусть собираются, пусть готовятся. Мы покажем им, что их «Буревестник» — всего лишь глупая птица, разбивающаяся о стекло нашей оранжереи.

Он повернулся к Алисе и добавил:

— Но всё же, усиливайте слежку. Найдите их главаря. Мне нужно знать его имя.

Подземелье под руинами Библиотеки имени Ленина, 10:15

В ста метрах под землёй, в бывших хранилищах книг, которые теперь были затоплены частично, но осушены с помощью насосов, горела единственная лампочка — тусклая, жёлтая, как глаз ночного зверя. Помещение было заставлено стеллажами с оцифрованными томами, но здесь же стояли принтеры для 3D-печати, работавшие на переработанном пластике, и несколько мониторов, подключённых к подпольной сети «Теневая Сеть», которая работала на частотах, запрещённых Советом.

За столом, сделанным из двери, снятой с петель, сидел человек. Ему было около сорока пяти, но выглядел он моложе — гладко выбритое лицо, глубокие глаза с прищуром философа, прямая осанка человека, привыкшего к тяжёлой физической работе, хотя руки у него были тонкие, с длинными пальцами пианиста. На груди, поверх серой майки, был выцветший портрет Горького — и под портретом надпись: «Буревестник». Это была не просто кличка, это был его тотем. Его настоящее имя было Остап Владимирович Ветров, но даже самые близкие звали его просто Буревестник.

Он читал. Перед ним лежал потрёпанный бумажный дневник — раритет, который он спас из сжигаемого фонда. Это были записи инженера начала XX века, участника Февральской революции. Буревестник водил пальцем по строкам, шепча вслух:

— «Толпа не поднимается, когда становится голодно. Она поднимается, когда перестаёт бояться. И страх исчезает не от храбрости, а от омерзения к власти. Когда власть становится слишком красивой, слишком чистой, люди начинают подозревать, что её чистота — это ложь».

Он захлопнул дневник и посмотрел на своего товарища, сидевшего напротив. Это был коренастый мужчина лет тридцати с лицом, изрытым оспинами, но с добрыми глазами. Его кличка была Егорка, хотя в паспорте значилось Егор Максимович Буйнов. Егорка был бывшим шахтёром из Кузбасса — он знал, что такое дышать угольной пылью, и он ненавидел «чистый воздух» Совета лютой ненавистью.

— Ну что, Остап, — сказал Егорка, понижая голос, хотя вокруг никого не было, — сегодня они показали «Сахарный пепел». Птицыных. И мать, и отца. В эфире. Вся страна смотрела. И что? Никто не пальцем не пошевелил. Они как зомби.

— Они не зомби, — спокойно ответил Буревестник. — Они — люди, которых отключили от их собственного гнева. Это наш главный враг. Не Карабас, не его санитары, не эти дурацкие капсулы. Наш враг — апатия, которую они кормят людям через эти маски, через их «Чистый Эфир». Мы должны не бороться с ними физически. Мы должны *вернуть людям страх*. И ужас. И отвращение. И тогда они возьмутся за вилы. Но сначала — нужно, чтобы они *узнали*.

Он встал и подошёл к карте, висевшей на стене. Карта была составлена из обрывков старых газет, но на ней были нанесены линии снабжения, точки очистных станций, маршруты «воздушных эшелонов» — всё, что удалось разведать через агентов, внедрённых в «Центр Экологической Безопасности».

— Посмотри сюда, — сказал он, проводя пальцем по красной линии, идущей из Сибири в Москву. — Главный трубопровод «Чистого воздуха». Они очищают его там, на станции «Тунгуска», и гонят сюда. Но в случае «аварии» они могут изменить состав. Они сделают это массово — устроят «санацию» целых кварталов, списывая на утечку хлора. Но у этой системы есть один узел. Одна точка, где давление минимально. Если мы ударим по ней... весь «чистый воздух» превратится в обычный, грязный, как в прошлом. Люди перестанут дышать наркотиком. Они проснутся. И увидят, что их превратили в скот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.